

ШВЕДОВ

Рассказ

I

У него была такая фамилия, что сделать из нее прозвище ничего не стоило. И прозвище было бы прекрасным: простым и цепким. А что еще нужно настоящему прозвищу? Простым оно должно быть, чтобы легче запоминалось, а цепким — чтобы от него было трудно отделаться. У него могло быть прозвище — Швед. В развернутом виде оно звучало бы — Швед Под Полтавой.

Но все в нашем дворе звали его по фамилии — Шведов. Прозвище к нему как-то не пристало.

Даже родители, когда выходили на балкон, чтобы загнать его к обеду или к ужину, монотонно и долго кричали: «Шведов, домой! Шве-е-е-о-о-ов!..»

Шведовы жили на четвертом этаже в третьем подъезде нашего дома. У них была большая квартира, окна которой смотрели на улицу Пушкина, на Четвертую Курскую и во двор. Так получалось потому, что наш дом изгибался углом с одной улицы на другую, а квартира Шведовых как раз приходилась на этот угол.

Впрочем, самой квартиры я никогда не видел. Я бывал у них только в передней, где вдоль одной стены тянулись застекленные книжные полки, а вдоль другой — вешалки для одежды и обувной ящик. Дальше передней у Шведовых не пускали, потому что дальше начинались ковры и антиквариат, которые пристально охранялись старенькой бабушкой Шведова Евдокией Лукиничной.

Сам Шведов произносил эти два слова с глубоким застарелым презрением, и я всегда завидовал тому, что вот он только на два года старше меня, а знает, что такое «антиквариат». Спросить его самого я стеснялся: уж больно не в чести был у Шведова этот таинственный антиквариат.

Мы во дворе жили дружно, даже и не дрались никогда между собой, разве что — соперничали.

Впрочем, серьезно соперничали только мы с Сергеем Крючковым да Феликс Намин со Шведовым. Все остальное не шло в счет: там обязательно были замешаны девчонки.

У Феликса Намина были большие печальные глаза, которые выглядели еще больше и печальнее сквозь линзы его очков в черной оправе, был гордый профиль и прыщавые щеки и нос. Девчонки его считали умным и противным.

Мы относились к Феликсу двойственно. С одной стороны, мы его и в грош не ставили, потому что он не играл в футбол. В этом отношении даже вечный плакса, который пуще всего на свете пугался вида собственной крови, Алик Федоров был куда ценнее и полезнее. Алика хоть в ворота можно было поставить до первого сильного удара, а Феликса — если только врыть вместо штанги...

Феликс был толст, малоподвижен и неуклюж. Когда мы гоняли мяч, он обычно сидел на лавочке в сторонке и медленно поворачивал голову то к одним воротам, то к другим.

Но Феликс был чуть ли не самым главным нашим изобретателем. Карбидные гранаты, трубки, из которых можно было стрелять бузиной, горохом или пластилиновыми шариками, воздушный змей из тонких реечек и папиросной бумаги, наконец, настоящий детекторный приемник — все это было его рук дело.

Поэтому мы прощали Феликсу неумение играть в футбол, неуклюжесть и даже прыщи на лице. В изобретательности с ним мог соперничать только Шведов.

И они соперничали.

Хотя Шведов вряд ли когда задумывался над этим. У него получалось так само собой.

Это, пожалуй, Феликс лез из кожи вон, чтобы перещегоолять его своими изобретениями.

В ответ на сделанный Шведовым ниточный телеграф Феликс опутал весь дом проводами местного телефона. С тех пор уже не нужно было переходить из одного подъезда в другой, чтобы нажать кнопку звонка на двери своего товарища и спросить у открывших тебе его родителей: «Юра выйдет?»

Можно было либо, написав на клочке бумаги: «Сирота, выходи гулять», прищепкой прикрепить записку к леске, протянутой в форточку Юрки Сироткова, и, осторожно покручивая колесико, отправить ее по назначению, либо просто снять трубку и сказать, что надо, по телефону.

Феликс посмеивался над изобретением Шведова, считая его технически допотопным. Телеграфом нельзя было пользоваться во время дождя или зимой, когда торчать в открытой форточке было холодно, да и не все имели возможность протянуть от окна к окну леску. Но нам нравились оба способа связи, а многие даже предпочитали телеграф. Было что-то особенное, таинственное и захватывающее дух в том, чтобы осторожно через весь двор, над деревьями, над фонтаном, над старушками, сидящими на лавочках у подъездов, над «Победой» милиционера Юдина, находящейся в вечном ремонте, перетянуть по леске маленький клочок бумаги с каким-нибудь секретным сообщением.

А телефон Феликса очень полюбили взрослые и часами болтали по нему между собой.

II

Так уж повелось, что мы с ребятами во дворе все делали сообща. Любое новое увлечение эпидемией поражало всех нас от мала до велика и не отпускало до тех пор, пока на смену не приходило что-то другое.

Всю прошлую осень и зиму мы собирали марки, клеили альбомы, кляссеры, менялись, толкались по субботам и воскресеньям возле магазина «Филателия», чтобы с рук купить за бешеные деньги какую-нибудь очередную колонию с профилем английской королевы в углу, а потом хвастать ею перед нашими мальчишками и девчонками.

Свои бешеные деньги мы скапливали на школьных завтраках, вернее, на том, что не завтракали в школе.

За неделю у меня собиралось шестьдесят копеек, и их вполне хватало на две колонии или на три-четыре треуголки, которые тоже были у нас в ходу.

Сергею Крючкову родители давали на завтраки по двадцать копеек в день, и в наших глазах он был миллионером.

Особенно почему-то ценились негашеные марки. Феликс Намин всю зиму безуспешно прокорпел над химическим составом жидкости для сведения с марок почтовых штемпелей. Он добился того, что его гремучая смесь выедала вместе со штемпельной краской и рисунок марки. На этом опыты его прекратились, потому что с весной пришло и новое всеобщее увлечение.

Шведов построил действующую модель подводной лодки. Она была из бамбука, имела винт, приводимый во вращение скрученной резинкой, и маленький руль из крашеной жести, который позволял лодке на двадцатисантиметровой глубине описывать почти полный круг вдоль парапета нашего фонтана. В будущем, по уверению Шведова, лодка должна была вмещать экипаж из двух человек, погружаться на глубину от трех до пяти метров и давать полмили в час.

Не знаю, какое будущее имел Шведов в виду, а мы приступили к постройке своих подводных лодок немедленно.

Уже на следующий день безвозвратно затонула в фонтане сделанная из консервных банок лодка Сашки Плахова. Другую — здоровенное полено Вовки Ополозова — удалось поднять со дна сачком для ловли бабочек, который пожертвовал по такому случаю Алик Федоров.

Лодки тонули и не желали погружаться, сталкивались под водой и, совсем забытые, вдруг всплывали через неделю. Фонтан наполнился щепками, досками и дощечками, рваной резиной и сломанными жестяными винтами. Мы спорили, чья лодка проплывет под водой дальше и нырнет глубже, чья конструкция совершеннее и чья больше походит на настоящую.

А когда стало совсем тепло, Серега Крючков прикатил откуда-то одну за другой три пустые железные бочки, и наш двор наполнился звоном и грохотом, так как, чтобы сделать настоящую подводную лодку, нужно было у бочек повышибать зубилом днища.

Бочки пахли бензином и пачкались. Мы работали по очереди: Сере-га, я, Шведов, Сирота, Вовка Ополозов, Сашка Плахов и даже Алик Федоров. Алику, правда, удалось выстоять всего несколько ударов. Он держал зубило. После того как Серега Крючков саданул молотком мимо зубила, Алик отдернул руку, побледнел и молча уставился на побелевший палец в ожидании крови.

Кровь высунулась небольшой вишневой капелькой из-под пришибленного ногтя. Алик зажмурился, желая, наверное, чтобы кровь ему только почудилась, потом открыл глаза и, увидав уже густую тягучую струйку, ползущую по большому пальцу, заорал, как резаный поросенок, и убежал домой.

Минут через пять вышел старший брат Алика, Игорь, который учился в машиностроительном техникуме. Он погнался за Серегой Крючковым, но не догнал. Тогда Игорь несколько минут постоял за дверью подъезда, подглядывая в щель и ожидая, что, может, Серега приблизится. Но мы подмигиванием и жестами предупредили Серегу, и он на Иго-реву удочку не попался. Наконец Игорь по-настоящему ушел. Мы продолжили свою громкую работу.

Только Феликс не принимал в ней участия. Он всем видом своим выказывал пренебрежение к нашей затее, но со двора не уходил, а все прохаживался вокруг да около и время от времени, глядя в сторону, как бы даже и не нам говорил:

— Посмотрим, как вы их сваривать будете!.. Или:

— Пойдете рыбкам на банкет!

Для меня слово «банкет» было таким же непонятным, как и «антиквариат». И когда Серега Крючков отогнал Феликса подальше от наших бочек, чтобы тот не мешал работать, я спросил:

— Шведов, что такое «банкет»?

— Это большой такой стол с едой, — объяснил он, — за которым, значит, народ сидит. И все жрут.

— При чем тогда рыбы?

— Феликс так шутит, — отмахнулся Шведов от моих глупых вопросов.

Феликс оказался прав. Сварить бочки нам так и не удалось. И в довершение всего из пожарки на Четвертой Курской прибежали дядьки в брезентовых робах и блестящих касках с металлическим, похожим на рыбий плавником верху. Они укатали бочки, снова вернулись и, свирепо ругаясь, долго разыскивали Серегу Крючкова. Но тот благополучно отсиделся на чердаке.

Кто выдал Серегу, мы выяснить не смогли.

III

Нового всеобщего дела долго ждать не пришлось. Был конец мая. В школу ходить не хотелось. Цвела сирень за штакетником палисадника санэпидстанции у нас во дворе, боярышник, росший возле бывшей конюшни, попрятал в светлой листве свои лютые колючки. В фонтане откачали талую мутную воду, выгребли из него прошлогоднюю листву, камни, палки, тину, затонувшие наши подводные лодки, ржавые жестянки и чьи-то прилипшие к илистому дну мокрые штаны.

Включение фонтана было назначено на ближайшее воскресенье, а значит, оставалась еще пропасть времени: среда, четверг, пятница, суббота. Мы слонялись без дела по двору, нехотя гоняли мяч, даже играли с девчонками в «классики», до чего опускались только в самые черные наши дни. А дни действительно наступили черные. Все как-то казалось теперь неинтересным, не задерживало долго нашего внимания. Мы ждали воскресенья.

И вот когда ожидание почти сломило нас, когда мы видеть уже не могли свой футбольный мяч, девчончьи «классики» и даже новый велосипед Алика Федорова, когда нам с Серегой Крючковым надоело на спор лазать — кто выше — по пожарной лестнице и подтягиваться — кто больше — на нижней ее перекладине, в четверг во двор понаехало много грузовых машин.

Окно нашей комнаты смотрело на улицу, а на кухню я не выходил, поэтому не сразу узнал об этом важном событии. Мне-позвонил и сказал о нем Сашка Плахов.

Когда мы спустились с ним во двор, все наши уже были в сборе и глазели во все глаза на то, как дядьки в фуфайках выносили из низкого одноэтажного здания санэпидстанции шкафы, столы, стулья, кушетки, обтянутые черным дерматином, складные ширмы, похожие на детские книжки-гармошки, картонные папки, стопки разлинованных бумаг, приборы в белых чехлах, стойки с пробирками, большие бутылки голубого стекла, оплетенные ивовыми прутьями, горшки с цветами и пишущую машинку с полустертými буквами на клавишах.

Женщины в белых халатах сновали между нагруженными дядьками и, беспрестанно делая испуганные глаза, предостерегали их ото всего на свете.

— Ради бога! Только не разбейте! — причитали они на все лады, забегая вперед дядек и тревожно взмахивая руками. — Не переверните! Не уроните! Не сломайте! Не рассыпьте! Не опускайте так резко!.. Не мешайтесь! Не пугайтесь под ногами! — обращались они то и дело к нам. — Дети, разойдитесь! Ничего интересного! Не берите! Положите на место!..

Сначала мы отходили, не мешались, не пугались под ногами, не брали и клали на место, а потом, глядя на дядек-грузчиков, которые с самого начала не слушали этих предостережений, тоже перестали обращать на них внимание.

Когда все было погружено и женщины, раскрасневшиеся и охрипшие, расселись по кабинам рядом с шоферами, держа на коленях кто стойку с пробирками, кто микроскоп в чехле, кто горшок с финиковой пальмой, а дядьки-грузчики устроились между вещами в кузовах, машины тронулись гуськом со двора.

Мы выбежали следом под арку и провожали их глазами до тех пор, пока последний грузовик не исчез за майской прозрачной листвой тополей сквера Танкистов.

Вернувшись во двор, мы поняли, что совершили большую ошибку. Серега Крючков с Феликсом Наминым сновали по пустым комнатам санэпидстанции. Они уже нашли старый черный телефон с только чуть-чуть треснувшей трубкой, охажку рентгеновских снимков, которые горели, как порох, и из которых мы и раньше любили делать дымовушки, целую грудку пыльных, но вполне пригодных на что-нибудь пробирок, белые куски сухого спирта, ржавые ножницы, пинцеты, коробку скрепок и много другой ценной мелочи. Все это богатство они складывали каждый в свою кучку и снова продолжали бегать и рыться в оставленном хламе.

При нашем появлении Серега Крючков подскочил к своей куче и крикнул:

— Чур, мое! Не трогать!

— Этот телефончик мне очень нужен! — заявил Феликс, тоже подходя к своим сокровищам и опасливо нас озирая. — И рентгено снимки тоже!

Мы мигом разбежались по комнатам, надеясь хоть что-то выудить из оставленных вещей.

Мне не повезло. В той комнате, куда я попал, ничего, кроме бумаг и бланков, не было. Пахло лекарствами и сырой пылью. Я послонялся вдоль стен, заглянул в распахнутое окно, снова пристально осмотрел комнату и заметил, что рядом с дверью отодрался кусок бордовых обоев. Видимо, чем-то острым задела, когда выносили мебель. Под бордовыми были еще желтые, потом салатные, потом синие обои. С каждым слоем я проникал на несколько лет назад, в прошлое. «Ведь когда не было этих бордовых и желтых обоев, — подумалось мне вдруг, — не было на свете и меня и какие-то неведомые мне люди жили, работали здесь. Тогда тоже, наверное, пахло лекарствами и цвела сирень под окнами».

И мне вдруг показалось, что я вижу время. Оно смотрело на меня неровным срезом разноцветных блеклых обоев со стены брошенного дома. И взгляд его был бесстрастен и притягателен.

Я поскреб ногтями и докопался до пожелтевших газет. Газеты были старые-престарые, такие, что даже не все буквы в них были мне знакомы. Но оказалось, если и пропускать эти буквы, все можно было понять. Я стал читать. Наверное, это было место, где помещались объявления. Я прочел об утерянном кем-то кошельке, о жидкости против облысения и пилюлях от глухоты, об учреждении комитета помощи голодающим христианам и о страховом обществе «Россия».

Я подумал — даже и не подумал, а смутно почувствовал, — что и до меня жили люди, и будут жить после меня, что я всего лишь маленький мостик в одну дощечку между теми, кого уже нет, и теми, кто только будет, и что когда-нибудь — не скоро — кто-то придет, быть может, и в мой покинутый дом и я сохранюсь для неизвестного кого-то таким же вот срезом обоев на стене.

Мне грустно стало и одиноко в этой пустой старой комнате и захотелось никогда не умирать. И я бы заплакал, наверное, от беспричинной тихой жалости к людям, если б не чей-то крик за стеной.

— Я Феликса нашел! Феликса!.. — кричал, кажется, Сирота и чем-то гремел железным.

— Чего меня искать-то? — степенно отозвался с другого конца дома Феликс Намин. — Вот он я.

На всякий случай он уже шагнул в комнату к Сироте. Я последовал за ним.

Вторым Феликсом оказалась черная металлическая коробка с покатыми боками, на которой золотыми буквами и вправду было выведено «Феликс».

Сирота держал коробку над головой и бил в нее, как в колокол, большим ржавым гвоздем. Это занятие, видимо, доставляло ему массу удовольствий, и он улыбался во весь рот.

Шведов протиснулся из-за наших спин, взял коробку, заглянул внутрь и вернул Сироте.

— Чехол от арифмометра, значит... — вяло, без интереса определил он и побрел из комнаты. — Вот если бы ты сам арифмометр раскопал, был бы отличником по математике.

Феликс тоже взял коробку со своим именем, подержал в руках и, вместо того чтобы вернуть, пожал Сироте грязную руку и сказал:

— Спасибо! Правда? Зачем тебе чехол без арифмометра? А мне пригодится на память...

Сирота аж онемел от такой наглости. Улыбка его исчезла, и вместо нее появилась жалкая растерянная гримаса. Он посмотрел на нас в поисках поддержки и сочувствия.

Феликс, видимо почуяв, что Сирота вот-вот начнет задавать вопросы, ушел с коробкой к своей куче, зачерпнул оттуда несколько рентгено снимков, вернулся и протянул их Сироте.

— Я тебе за этот чехольчик вот чего дам, — сказал он ласково. — Можешь дымовухи крутить или ракеты пускать. В фольгу завернешь — и ракета! Идет?

Сирота взял рентгено снимки, посмотрел их на просвет и сразу забыл о своей находке, снова заулыбался.

— Ого! — вдруг заорал он, тыча пальцем в черно-белое расплывчатое изображение. — Ребра! Шкилет!

Мы тоже стали заглядывать ему через плечо.

Феликс тем временем отнес чехол от арифмометра в свою кучу.

— Значит, говоришь, ракеты? — спросил его Шведов, вдруг появляясь в дверях комнаты. — Между прочим, это мысль!

Мы сразу забыли про Сироту и его ребра, каким-то необъяснимым образом почувствовав настоящее дело, и окружили Шведова.

— Сделаем, значит, ракету! — сказал Шведов, нагибаясь и поднимая с пола рентгено снимок. — У кого есть спички?

Курил из нас один Вовка Оползов, и то несерьезно, больше перед девчонками духарился. Но спички у него были, и Вовка протянул их Шведову. Тот зажег пленку и еле успел отлепить ее от пальцев. Рентгено снимок вспыхнул взрывным гудящим пламенем, описал дугу, отделившись от пальцев Шведова, пронесся свирепой кометой мимо нас и горсткой черного невесомого пепла спланировал в угол комнаты.

— Гори-и-ит! — восхищенно протянул Сирота, пряча свои рентгено снимки в карманы штанов.

— Отлично! — сказал Шведов и вернул Оползову спички. — Придется тебе пожертвовать всю пленку на общее дело, — обратился он к Феликсу.

По лицу Феликса было видно, что жертвовать ни на какое дело он ничего не хотел, но все Мы так посмотрели на него, что отказаться Феликс не посмел.

— Ладно, — уныло согласился он. — Только пока пусть пленочки у меня хранятся.

Шведов удивился:

— Какая разница у кого?

— На мои, — вдруг выступил вперед Сирота, доставая из карманов хрустящие рентгено снимки. — А то на дымовушки изведу.

Шведов принял пленки и бережно скатал их в трубочку.

В этот день мы только успели обсудить, каким будет корпус нашей ракеты. Вопрос о топливе и парашюте для возвращения на Землю оставили до завтра.

IV

Не знаю, как другие, а я на следующий день еле высидел в школе положенные пять уроков. Домой бежал вприпрыжку и, когда наконец юркнул под арку во двор, понял, что зря торопился. Наших никого не было. Один Алик Федоров, который еще ходил в начальную школу и у которого было всего четыре урока в день, гонял на своем новом велосипеде по асфальтовой дорожке вокруг фонтана. Да за ним еще бегала сестра Шведова, Ряха, и кланчила покататься. Ряха еще в школу не ходила. У

остальных ребят, видимо, шел шестой урок.

Мне стало тоскливо оттого, что придется ждать, и я старательно медленно, наступая на каждую ступеньку, поплелся к себе на четвертый этаж. Дома переоделся, разогрел оставленные мамой суп и голубцы и пообедал. Но как я ни медлил, как ни тянул, время было не обмануть, и старые ходики нашей соседки бабы Даши все тикали и тикали на кухне, и казалось, их стрелки о чем-то то и дело задумывались и забывали двигаться.

Я спустился во двор, сел на лавку возле фонтана и стал просто ждать.

Вдруг дикий крик раздался за моей спиной.

Алик Федоров лежал на асфальте метра на три дальше велосипеда, а Ряха улепетывала, сверкая острыми коленками, к своему подъезду.

Пока я поднимал на ноги Алика, пока отряхивал пыль с шорт, пока до головокружения дул на его ободранные в кровь об асфальт йоленки и локти, появился Игорь Федоров и, не разобравшись толком в обстановке, влепил мне подзатыльник.

Алик, продолжая орать и подпрыгивать на месте, замотал головой, стараясь дать понять своему брату, что я не виноват. Он даже несколько раз махнул рукой в сторону подъезда, в котором скрылась Ряха, и попытался переломить однообразный звук своего крика:

— А-а-а!.. Ря-а-а-а!.. Ха-а-а-а!.. А-а-а!..

Но Игорь ничего не понял. Он по-милицейски, как нас учил когда-то Юдин, завел мне руку за спину и снова влепил подзатыльник.

Крик вылетал изо рта Алика сам собой, не давая ему вымолвить слова, как дым из трубы котельной, только невидимый. Я успел подумать, что если бы он был виден, то над нашим двором висело бы уже облако Аликова крика, целая туча, застилающая солнце и сверкающая молниями. Но пока из этой незримой тучи сыпались лишь подзатыльники на мою голову. Игорь знал свое дело.

Наконец крик поутих и пошел с перерывами, будто его запасы внутри Алика кончались. Туча, наверное, успела подняться, и подзатыльники тоже стали реже и мягче. Игорь отпустил мою руку.

Впрочем, это произошло потому, что Алик успел-таки в промежутки, образовавшиеся в крике, мужественно вставить несколько слов:

— Н-не-е-ет! А-а-а!.. Он н-не винова-а-ат!.. Это Ря-а-а-аха-а-а!.. Игорь потерял ко мне всякий интерес и пошел к велосипеду. Алик заорал с новым напором. И я понял, что, чтобы снять с меня подозрения, он задрал голову, а теперь опустил ее и опять увидел кровь на своих коленках.

Игорь вернулся с велосипедом в одной руке и с палкой в другой. Я отбежал от него на всякий случай и только тут догадался, заметив погнутые спицы, что Ряха, которой надоело, наверное, бегать за Аликом и кланчить, сунула палку ему в переднее колесо.

Дальнейшее легко было представить. Я зажмурился и увидел Алика, на полном ходу взлетающего с сиденья велосипеда, поднимающегося над изогнутым рулем с никелированным звончком; выше, выше, над газоном, над «Победой» милиционера Юдина, над сухим фонтаном... Нет, пожалуй, так высоко он не мог залететь. А Ряха-то какова! Опять Игорь будет грозить Шведову набить морду и опять не набьет, наверное, потому что... Даже и не знаю почему, но не набьет.

Игорь поволок пританцовывающего Алика домой. Велосипед в другой его руке восьмерил передним колесом, и оно извивалось, как живое.

А я вспомнил зачем-то, почему сестру Шведова звали Ряхой. Это сам Шведов ее так. Имя у ней было нормальное красивое — Лена. Шведов рассказывал, что, когда его сестра была совсем маленькой и родители за какие-нибудь проказы называли ее неряхой, она не соглашалась и кричала: «Я ряха! Ряха!..»

Во двор ввалились все наши ребята, которые учились в двадцать седьмой школе. Впереди шли Шведов с Феликсом Наминим, за ними Серега Крючков, Сашка Плахов, Алка Юдина, Римма Выселаки. Вовка Опо-лозов отстал, потому что, как всегда, тащил портфель Таньки Меркуловой и о чем-то шептался с ней. Танька смеялась, хлопала Вовку по спине и шипала его за руку. Дура! Это она от удовольствия всегда так делала.

Мы с Сиротой учились в другой школе, в параллельных классах, и я знал, что его задержал после уроков завуч оформлять какие-то стенды.

— Ряха вставила палку Алику в велосипед, — сообщил я Шведову, чтобы он приготовился к стычке с Игорем.

— В какое колесо? — уточнил он.

— В переднее.

Шведов нахмурился, вздохнул и заключил:

— Это, значит, хуже!

— Далеко улетел? — поинтересовался Серега Крючков.

Я знал, что он страсть как любит сам подстраивать всякие такие штучки, и нарочно соврал.

— Вон там она ему вставила, — показал я через двор. — Потом он над кустами, над лавкой, через фонтан... И тут шлепнулся!

Феликс хмыкнул и поправил очки.

— Бреешь! — не поверил Серега, но по лицу его было видно, что он очень желал, чтобы так оно все и было на самом деле.

— Брешу, — разочаровал я его.

— Значит, так, — обратился ко всем Шведов, — быстро по домам, обедаем и через пятнадцать минут сбор!

— Я задержусь, — предупредил Феликс.

Снова я остался один. Во двор забежал запыхавшийся Сирота и, услышав от меня распоряжения Шведова, помчался домой. Вышла заплаканная Ряха с большой хозяйственной сумкой в руках, прошлепала мимо меня, шмыгая красным носом, и скрылась под аркой. Это Шведов, должно быть, наказал ее уже.

Я всегда чуть-чуть завидовал Ряхе, потому что мечтал иметь брата. Лучше старшего, но можно было, конечно, и младшего. Только не сестру!

Глядя на Шведова, я давно пришел к выводу, что сестру иметь — одно наказание.

Еще когда Ряха была совсем крошечной, родители часто оставляли ее в коляске на балконе.

Один раз мы возились в фонтане. Кажется, пускали бумажные кораблики.

И вдруг Шведов оторвался от нашего дела, посмотрел вверх и на мгновение застыл на месте без движения. Я видел, как побелело его лицо, как сосредоточенно остановились его глаза. Когда я взглянул туда, куда уставился Шведов, то все выпало у меня из рук.

На шведовском балконе, где стояла коляска Ряхи, уже на перилах балкона лежала поперек на животе сама голозадая Ряха

и, проворно шевеля руками и ногами, пыталась перевеситься вниз, за перила. Может быть, каким-то невероятным образом она разглядела оттуда своего брата и поползла к нему?

В следующее мгновение Шведов сорвался с места и бросился к дому.

Мне показалось, что не прошло и трех секунд, а он уже появился на своем балконе и стащил Ряху с перил.

Почему он почувствовал, что Ряха вот-вот упадет, и как сумел с такой быстротой одолеть четыре этажа, для меня до сих пор остается загадкой. Но всякий раз, когда я представлял, каким бы мог быть у меня старший брат, мне хотелось, чтобы он походил на Шведова.

Корпус ракеты решено было изготовить из тонкого листа латуни, которая была у Сироты. Юрка Сиротков учился в художественной школе, и на латунной или медной фольге они там делали чеканки. Пайку швов в корпусе Шведов брал на себя. Феликс мудрил дома над устройством парашюта. Нам же доверялась постройка стартовой площадки.

Все принялись за работу. Шведов гремел латунным листом, раскраивал, чтобы потом вырезать контур корпуса ракеты и лудить, паять его. Сашка Плахов с Сиротой насыпали песок под будущую стартовую площадку, а мы с Серегой Крючковым разбежались в разные стороны в поисках колена водосточной трубы, из которой должна была, по замыслу Шведова, выстрелить наша ракета.

Я долго не мог ничего отыскать подходящего, а потом не нашел ничего лучшего, как отломать кусок ржавой водосточной трубы со стены брошенной санэпидстанции и поволочь его Шведову на показ. Издали, когда подходил, я увидел, что возле Шведова уже крутятся Игорь и Алик Федоровы. У Алика колени и локти были забинтованы, и он смешно заносил при ходьбе негнувшиеся из-за тугих повязок ноги. Игорь что-то говорил Шведову и совал под нос кулаки. Шведов спокойно отстранял от лица чужие руки и все пытался продолжить прерванную работу.

Я подумал, что это его спокойствие, должно быть, больше всего и бесило Игоря. Мне стало страшно интересно, что они там говорят друг другу, и, бросив трубу на полдороге, я побежал к ним.

Но когда я приблизился, все уже, похоже, было решено между ними. Игорь погрозился другой раз посадить Шведова самого на этот велосипед и вставить ему палку в переднее колесо, а Шведов только отмахнулся и как ни в чем не бывало пообещал Алику выправить в колесе его велосипеда восьмерку и подровнять спицы.

— Алик! — крикнул Игорь, поворачиваясь уходить. — Домой!

— Скажи своему дохляку, чтобы подальше от нас держался! — огрызнулся Серега Крючков ему вслед.

— Алик! — снова позвал Игорь, и голос его почти сорвался на визг.

— Я не дохляк! — вдруг возразил Сереге Алик. — Я только крови боюсь.

Игорь махнул на брата рукой и ушел один.

Алик огляделся в поисках дела для себя и, не найдя, видимо, ничего подходящего, спросил:

— А я где пригожусь?

— Ты у нас космонавтом будешь! — мрачно пошутил Серега Крючков. — Уже летал. Опыт есть.

— Что ж ты ревешь всегда, как девка? — спросил Алика Шведов. — Я вот тоже палец стамеской порезал, — слизнул он кровь с указательного пальца левой руки. — Значит, так: или ты не ревешь, или дома с Игорем сидишь!

— Не реву... — сказал Алик, бледнея и не отрывая глаз от выступившей вновь крови на пальце Шведова.

— Бреешь! — усомнился Серега Крючков.

Шведов посмотрел на Алика оценивающе и сказал тихо:

— Я ему верю.

Оказалось, что Серега уже смотался дворами на стройку и принес оттуда новенькое оцинкованное колено водосточной трубы. Шведову он поклялся, что строители сами ему подарили, но я мог на что угодно спорить, что Серега это колено стащил без спроса. Как же! Подарили ему! Держи карман шире!..

Вышел Феликс с парашютом. Вместо ракеты на проволочных цепочках закрепили стамеску и подкинули. Белый купол с дыркой в центре раскрылся и плавно опустился. Стамеска воткнулась в песок.

— Сойдет, — оценил парашют Шведов. — Надо подумать, как его лучше уложить.

— Зря ты с латунию возишься, — сказал ему Феликс. — Завтра это уже не нужно будет.

— Это, значит, почему же?

— Завтра узнаете, — уклончиво ответил Феликс. — Сюрприз! Сколько мы ни просили его раскрыть свой сюрприз, ничего путного не добились. Умел Феликс хранить тайны. Только на следующий день все прояснилось.

V

После уроков Феликс вышел во двор с большой, около полуметра в длину, ракетой, сделанной из алюминия. На серебряной поверхности было выведено красными ровными буквами «Феликс», как на чехле от арифмометра. Шведова смутило такое беззастенчивое название ракеты, но всеобщий восторг был так велик, что его возражений просто не услышали. Все тянулись потрогать гладкие бока, пощупать пальцами острый нос ракеты, провести ладонями по хвостовому оперению.

Ракета делилась на две ступени. Одна из них должна была отваливаться в полете. Все, как с гордостью объяснил Феликс, было просто и гениально. Нижняя ступень в процессе сгорания топлива нагревалась, ее соединительное горлышко расширялось и соскакивало само со стыка с верхней ступенью. Можно было для верности задать верхней ступени начальную скорость, поместив в нее небольшое количество топлива, но Феликс уверял, что и без этого все прекрасно обойдется. Соединение двух частей ракеты было свободным — просто верхняя ступень, как пробка, вставлялась в нижнюю. Для заправки ракеты топливом нижняя ступень была разъемной на резьбе.

— Хорошо придумано! — восхитился Шведов, вникнув во все тонкости устройства ракеты. — Сами бы не сделали так.

Когда наши восторги поутихли, Феликс сказал:

— Ракету по моему проекту выточил токарь на заводе. Отец поручил, и он выточил...

Мы знали, что отец Феликса был главным инженером на самом большом заводе нашего города. Феликс не упускал никогда случая напомнить нам об этом.

— За работу надо платить. Даром ни один токарь точить не взялся бы. Что он, псих, что ли, даром-то?! — И Феликс покрутил указательным пальцем у виска. — Пятнадцать рублей. Придется сброситься. Я могу два рубля дать. И сразу договоримся: никому про деньги ни слова! А то отцу влетит, с работы снимут!..

Если бы Феликс сказал, что платить надо миллион, это для нас прозвучало бы одинаково. Пятнадцать рублей! Кто из нас в руках-то держал такие деньги?

Когда я прошлой осенью нашел под скамейкой в сквере Танкистов десять рублей, мама сказала, что это целое состояние, и купила мне на него зимние ботинки. А тут не десять... Потом, на носу были каникулы так что на завтраках тоже не скопишь.

Ракета как-то сразу сделалась для меня чужой, потускнел ее серебряный блеск, и уже, как и Шведову, что-то нехорошее,

унылое чувствовалось в ее названии «Феликс».

— Когда надо деньги отдать? — упавшим голосом спросил Шведов, почесав в затылке.

— Чем быстрее, тем лучше, — отобрал у него ракету Феликс. Я прикинул, сколько смогу внести денег, и сказал:

— У меня сейчас восемьдесят копеек... Ну, в воскресенье ещё двадцать на кино выпрошу... Рубль.

— В общем, как соберете, так и ракету дам, — сказал Феликс. Сашка Плахов и Сирота тоже могли внести по рублю, Серега Крюч-

ков — три, Алик Федоров обещал разбить свою копилку, но в ней — он знал точно — было всего сорок семь копеек.

— Значит, так... — подвел Шведов итог. — Восемь рублей выходит. Еще два моих... — Он что-то прикинул в уме. — Копилку оставь в покое, — сказал он Алику. — Остальное достаю я.

Феликс унес неоплаченную ракету домой, а мы разошлись в поисках денег. Собственно, мне искать было негде, все мои капиталы были со мной; но и гулять просто так, без ракеты не хотелось. Теперь, когда она была и в то же время ее еще как бы и не было, ни о чем другом не думалось. Уж лучше бы Феликс совсем не показывал нам этой ракеты, а его отец вообще не приносил бы ее со своего завода. Сделали бы корпус из латуни. Но и отказаться от такой красавицы — я знал — ни у кого не было теперь сил.

VI

Я нехотя сел за уроки на понедельник. Оставалось написать упражнения по русскому языку, когда мне позвонил Шведов и попросил сходить с ним кое-куда.

Во дворе он развернул газету и показал мне большую фарфоровую чашку с золотым ободком, гнутой ручкой и крошечными картинками в узорных лепных рамочках по бокам. На картинках изображены были голенькие крылатые мальчишки с луками и стрелами в пухлых руках и с милыми толстыми рожицами. Они витали в розовых облаках и в кого-то целились из своих луков.

— Продать, значит, надо... Ты не знаешь, как это делается? — спросил Шведов.

И по растерянности его, по какой-то неведомой мне ранее суетливости его взгляда, по напускной бодрости голоса я понял, что Шведов затевает что-то нехорошее, что он и сам это понимает, но не может иначе.

Как продают фарфоровые чашки, я, конечно, не знал. Мы решили пойти на базар, — может быть, там как получится...

По дороге я старался не думать о том, что мы будем делать на базаре, но мысли все вертелись вокруг одного и того же: прилавок, на нем чашка и мы со Шведовым за этим позорным прилавком.

— Вообще-то, фарфор поповский. Антиквариат... — почему-то шепотом сказал Шведов после долгого молчания и покраснел.

— Тебе за это сильно влетит? — спросил я, чувствуя, что тоже зачем-то краснею.

— Не знаю... — пожал Шведов плечами. — Мне ее бабушка на прошлый день рождения подарила. Она уже распределила, кому что в наследство оставит. Мне — чайный сервиз, Ряхе — столовый, отцу с мамой... Но ведь раз уже подарила, значит, чашка моя? Правда?..

Я не знал, что и ответить. У моей бабушки в деревне не было сервизов, и фарфоровых чашек таких на дни рождения мне не дарили. Я промолчал.

— Но как-то плохо все равно... — снова заговорил Шведов, не глядя мне в глаза. — А?.. Отец говорил, что дареное не дарят. А мы — продавать...

Мы прошли уже по мосту через Оку и приближались к городскому базару.

— Нет! — остановился вдруг Шведов и впервые за все это время открыто взглянул мне в глаза. — Нельзя! Я лучше у отца эти пять рублей попрошу. Он даст... Спросит зачем — скажу, что нужны. Он поймет... Он у меня!.. В общем — даст!

Мы с облегчением повернули назад.

Во дворе меня перехватил Серега Крючков.

Шведов понес домой чашку, а мы с Серегой присели на лавку возле фонтана.

— Я тут придумал... — заговорщицки зашептал мне Серега. — Сам бы справился, да надо наверняка...

И он рассказал мне свой план добычи денег для Феликса.

В нашем дворе, в самом дальнем и глухом углу его, за футбольным полем, за бывшей конюшней, в которой теперь хранили расфасованную по рачкам поваренную соль, был вход в подвал. Обыкновенная деревянная пристройка к кирпичной стене одноэтажного дома, очень похожая на большую собачью конуру. К конуре иногда подъезжали грузовики с крытыми кузовами, и красномордые грузчики в фуфайках что-то выгружали или нагружали в грузовики. Правда, случалось это так редко, что мы почти не обращали на конуру внимания. А Серега вот обратил.

Он рассказал, что в подвале, куда ведет конура, размещается продовольственный склад, что хранятся там консервы в железных банках, бочки с постным маслом, вермишель, макароны и маринованные помидоры. Может быть, там еще что было, да Серега не разглядел. Но весь его план как раз и строился на этих помидорах, точнее, не на них самих, а на трехлитровых банках из-под помидоров. Банки можно было помыть у колонки на Четвертой Курской и сдать в пункт приема стеклотары по сорок копеек за штуку.

— Еще неизвестно, даст папаша Шведову пятёрку, — возбужденно шептал Серега, — а тут дело верное! Пятьсот на сорок... — прикинул он. — Двенадцать с половиной банок. Округлим до тринадцати. Всего-то делов! Тебе только на атасе постоять и баночки от меня принять. Я поеду. Там у них окошко у самой земли... А ты рядом погуляешь как бы. Свистнешь, если что...

Очевидно, лицо мое не выражало немедленного моего желания помочь Сереге в его деле, потому что он тут же спросил:

— Слабо?!

И я еще какое-то время, — может быть, всего три секунды — помнил, что предложенный Серегой план — самое настоящее воровство и что деньги, полученные таким способом, будут нечестными деньгами. Но во мне отчаянно звенела уже тугая холодная струна, которая заглушала этот голос разума.

«Слабо-о-о-о!!! Слабо-о-о-о!!!» — пела эта струна истошно и пронзительно.

Серега затронул самое слабое мое место — мое самолюбие. И уже выходило, что можно и украсть, что это даже хорошо и что я должен пойти с Серегой, иначе окажусь трусом и слабаком.

И мы пошли.

Все, что произошло потом, я навсегда запомнил как что-то невыносимо стыдное, гадкое и грязное. Мне словно заложило уши, нос, рот, как при простуде, и я до самого конца нашего предприятия находился в этой гулкой закупоренной бочке свербящего чувства опасности и ожидания неотвратимого позора.

Серега, ловко извиваясь, пролез между ржавыми редкими прутьями решетки в крошечное низкое окошко, обшитое

гнилой фанерой. Потом его долго не было, а я ходил на прямых одеревенелых ногах вокруг конуры, опасно озираясь, и изо всех сил делал вид, будто я что-то там потерял и не могу никак найти. Я даже придумал на всякий случай, что я мог потерять — перочинный ножик, — чтобы сказать кому-то, кто непременно должен был вот-вот нагрязнать сюда и спросить меня, что я тут делаю.

Громко, тревожно ворковали голуби на крыше бывшей конюшни. Милиционер Юдин, прошедший в отдалении по двору с полосатым железом под мышкой, заставил меня замереть и бессознательно попятиться за колючие ветки боярышника возле склада.

Вдруг кто-то оглушительно свистнул около меня три раза, будто пробил колокол с пожарной вышки. Я вздрогнул и чуть было не пустился наутек, но вовремя сообразил, что это Серегин условный сигнал.

Фанера в окошке была отодвинута, и он совал мне между прутьями решетки здоровенную банку с зелеными помидорами. Банка предательски сверкала, отражая боками закатное низкое солнце, и громко булькало в ней. Я чуть не уронил ее, пока нес и прятал в кустах.

Затем была еще банка, еще, еще... Я давно потерял им счет, а Серега все подавал и подавал.

— Ну вот, значит! Крючок без своих штучек не может! — сказал кто-то, как в рупор, раскатистым трубным голосом прямо за моей спиной.

Меня точно током ударило и что-то остро толкнуло под сердце. Банка выпала из моих мгновенно вспотевших рук и разбилась с коротким сдавленным стоном. Глянцевые мокрые помидоры покатались, собирая пыль, и сразу стали похожи на персики.

Шведов вышел из-за кустов боярышника с двумя банками в руках.

— Где дыра? — строго спросил он меня.

Я показал одними глазами, все еще не в силах преодолеть своего оцепенения.

— Подавай назад по одной! — велел Шведов, подходя и опускаясь на корточки перед зарешеченным окошком, в котором белело Серегино лицо. — Значит, так, кавказский пленничек, — обратился он к заточенному Сереге сердито, — все расставишь по местам, как было, а сверху положишь... — Шведов повернул банку этикеткой к себе. — Восемьдесят шесть плюс сорок... Рубль двадцать шесть! Деньги есть?

Я уже опомнился от испуга и притащил сразу две банки к окошку.

— Знаешь, Шведов!.. — раздраженно, но вместе с тем и как-то неуверенно попытался возразить Серега. — Шел бы ты... мимо!..

— Денег, значит, нет, — спокойно сделал вывод Шведов и протянул Сереге рубль. — Держи. А будешь грубить — я тебя замурую там до прихода грузчиков. С голоду не помрешь!

Назад носить банки было легче.

Оказалось, Серега успел подать их мне одиннадцать, если не считать той, разбитой.

Когда просунули последнюю, Шведов протянул Сереге руку и помог выбраться из подвала на волю.

— Нам такие деньги не нужны! — сказал он, заметив Серегино немое возмущение. — А ты-то тоже!.. — обратился Шведов ко мне. — Ладно, я вовремя подоспел!

Мне было стыдно. Я чувствовал, как горит мое лицо. Но на душе стало свободно и легко, и я радовался тому, что рядом Шведов и что он помог мне избежать позора.

— Из-за тебя, Крючок, у нас теперь на рубль меньше, — сказал Шведов уже у фонтана.

— А что я-то?! Крючок! Крючок!.. Я не виноват, что у него руки худые! — кивнул Серега на меня.

VII

В воскресенье у нас был двойной праздник: во дворе включили фонтан и отец дал Шведову шесть рублей для Феликса. Вообще-то, отец Шведова так и не узнал, на что понадобились такие деньги, даже не стал долго расспрашивать. Дал, и все.

Серегу Крючкова это потрясло.

— Так прямо за здорово живешь шесть рублей?! — спрашивал он Шведова в который раз. — Ты ему говоришь — нужны, а он тебе что? А если б папаша твой решил, что на сигареты? Или еще чего?..

Шведов улыбался и отшучивался.

Фонтан включили в полдень. Многие взрослые спустились во двор поглядеть, другие смотрели с балконов. Милиционер Юдин с дворником с полчаса провозились в подвале, где находился под замком вентиль, который с осени запирали воду для фонтана, отрегулировали напор и, шурясь от яркого по-летнему солнца, вышли наконец на улицу, чтобы порадоваться вместе со всеми.

Фонтан бил во все струи, наполнялась чаша, пенилась прозрачная вода, и журчало, журчало. И в этом веселом журчании было долгожданное лето, каникулы, цветы на клумбах и в ящиках на балконах, была синева неба, тепло солнца и предчувствие близкого счастья впереди.

И во всеобщем волнении и ликовании я как-то по-особому, пронзительно и нежно любил всех наших ребят, любил Шведова, Сироту, Сашку Плахова, увальня Оползова, любил Алика Федорова, с его забинтованными коленками, и Серегу Крючкова любил.

Теперь надо было выкупать ракету. Всем хотелось запустить ее именно в этот праздничный день. Но сколько мы ни звонили в дверь Феликсовой квартиры, никто не открывал.

Шведов в который раз пересчитывал деньги, а мы вспоминали, кто из нас последним видел Феликса. Оказалось, его не было даже на включении фонтана.

День прошел в ожидании. Мы погоняли мяч на футбольном поле, сходили посмотреть, как по Четвертой Курской с воем и клубящимися облаками пыли проносятся красные машины на пожар, побрызгались водой из фонтана, привыкая к нему, ожившему теперь на целое лето, и не заметили наступления вечера.

Все уж как будто смирились с тем, что запуск ракеты придется отложить, как вдруг загорелся свет в окнах Феликсовой квартиры.

Относить деньги пошли мы со Шведовым.

Нам открыл отец и сказал, что Феликс еще вчера вечером уехал к бабушке аж на другой конец города и что вернется лишь завтра утром. Имя своего сына он, как всегда, произносил твердо, через «э». Получалось — Фэликс.

Я подумал, что с ракетой снова задержка, но Шведов не растерялся.

— Он случайно ракету с собой не увез? — торопливо, пока не закрыли перед нами дверь, спросил он.

— Да вон стоит, красавица, на письменном столе, — сказал отец Феликса, видимо желая поскорей от нас отделаться.

— А топливо? — поинтересовался Шведов, ступая через порог и занимая плацдарм в передней. — Рентгено снимки?

Я протиснулся в дверь вслед за ним.

— Вы что же, хотите без Фэликса ракету запустить? — спросил отец, отступая на шаг. — Как-то не по-товарищески получается, молодые люди! Завтра Фэликс вернется...

— Так, значит, рентгено снимки он тоже оставил? — перебил, словно не расслышал его, Шведов.

Отец Феликса нетерпеливо переступил с ноги на ногу и подтолкнул пальцем очки на нос, видимо желая получше рассмотреть такого нахала, как Шведов. Откуда ему было знать, что Шведов не для себя, а для всех нас старается?

— Послушайте, — наконец вымолвил он раздраженно, — зачем Фэликсу брать к бабушке эти ваши рентгеновские снимки? Его бабушка, моя мама, очень больна. Фэликс к ней не ракеты запускать поехал!..

— Тогда, пожалуйста, возьмите это... — протянул Шведов деньги. — А нам ракету дайте. Мы с Феликсом на сегодня договаривались!

Отец Феликса включил свет в передней, развернул деньги, мелочь встряхнул на ладони и удивленно посмотрел на нас поверх очков.

— Это что? — спросил он, словно никогда денег в руках не держал.

— Здесь тринадцать рублей, — объяснил ему Шведов, как маленькому. — Остальные два Феликс сам обещал доложить.

— Фэликс? То есть как доложить? Для чего эти деньги?! — уже повысил голос отец Феликса.

Мне захотелось поскорее уйти из этой передней, очутиться на улице. Но Шведов, очевидно, тоже начал терять терпение.

— Ну что вы в самом деле?! Это за ракету! За работу токаря!..

— Какому токарю? — взревел отец Феликса, комкая наши деньги. — Объясните же наконец!..

И Шведов ему все объяснил.

Потом, уже во дворе, он сказал мне, что ни за что бы не пошел на это, если бы все мы не были так настроены запустить ракету именно сегодня, что с самого начала он все понял и что, если по справедливости, так Феликсу и надо.

Выслушав Шведова, отец Феликса как-то нервно хохотнул и ударил себя по бокам руками, потом исчез в комнатах и принес оттуда корпус ракеты и кипу рентгено снимков, которые тут же и рассыпались в передней.

Мы со Шведовым бросились их подбирать.

— Молодые люди, — вдруг странным, погрустневшим голосом обратился к нам отец Феликса, — вас родители пороли когда-нибудь ремнем?

Шведов, все еще сидя на корточках, сказал, что его не пороли. Я признался, что мне иногда доставалось от отца с матерью.

— Я Фэликса никогда не бил. Он такой болезненный мальчик! И к тому же у нас в семье не принято так... Понимаете? В воспитательных целях не принято...

— Да, да... — рассеянно согласился Шведов, распахивая рентгено снимки по карманам. — Мои родители тоже говорят, что в воспитательных целях...

— Заберите свои деньги! — выкрикнул вдруг отец Феликса. — А своего сына я впервые выпорю! Ремнем! Слышите? Ремнем!..

— Значит, так, — отстранил Шведов руку отца Феликса, — деньги нам он пускай сам вернет... В воспитательных целях... Если захочет. Спасибо за ракету!

— То есть как это «если захочет»?! — снова взревел отец Феликса. — Он у меня такое захочет!.. Вы что же думаете, что мой Фэликс!..

Но мы уже вышли из квартиры и бежали вниз по лестнице.

— Не выпорет он его! — шепотом сказал Шведов на бегу. — Слыхал? «Такой болезненный мальчик! — передразнил он отца Феликса. — Мой Фэликс!.. Вы что же думаете?!»

— Сами вспьем! — предложил я.

— И мы не будем! — возразил Шведов, останавливаясь в дверях подъезда. Он серьезно взглянул мне в глаза. — Понимаешь? В том-то, значит, и весь фокус, что мы его бить не будем! И вообще поменьше болтай об этом!..

Я, конечно, не понял, в чем заключался тут фокус — надо было наказать подлеца, — но Шведов так внушительно сдвинул мне руку выше локтя, что возражать я не стал, а просто промолчал.

Первым делом Шведов принес из дома наждак и счистил старое название ракеты. Новое писать не стали, потому что не было времени ждать, когда высохнет краска. Рентгено снимки мы порезали в мелкую лапшу и заправили ею нижнюю ступень ракеты. Не было только парашюта, но решили, что лучше уж так запустить, чем ждать, когда явится Феликс от своей бабушки. Идти кланчить парашют к его отцу охотников не оказалось.

Трубу, которая должна была направлять со старта полет нашей ракеты, врыли в песок, сделали подкоп, чтобы можно было зажечь снизу топливо.

Хоть Шведов и просил не рассказывать никому про Феликса и про деньги, я все-таки не выдержал и разболтал. Серега Крючков обещал набить Феликсу морду.

Впрочем, тут же все и забыли об этом.

Шведов запалил маленький факел из пропитанной бензином пакли и сунул его в подкоп, к соплу. Раздалось свирепое сухое шипение. В трубе загудело, заметались желтые сполохи на ее внутренних стенках. Неожиданно ракета вынырнула наружу, и на мгновение показалось, что она зависла в нескольких метрах от земли. Бело-желтый столб пламени из сопла не давал ей упасть. Но тут же этот огненный столб удлинился, оттолкнулся от невидимой опоры, и ракета взмыла вверх, в черное небо над нашим двором.

Я видел, как она уже поднялась выше дома, выше трубы котельной и еще, еще выше, пока не превратилась в маленькую желтую точку света и не потерялась среди проступивших на небе звезд.

Ракета не вернулась. И от этого, а может быть, от чего-то совсем другого мне сделалось вдруг ужасно грустно и пронзительно защемило в груди.

Но это чувство тут же и прошло, и вместе со всеми я стал смеяться и прыгать и кричать «ура!». Ведь, в сущности, и грустить-то было не о чем, потому что через три дня начиналось лето, каникулы, и жизнь моя продолжалась.